

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

ДЕТИ И ИХ ВОСПИТАНИЕ В СИСТЕМЕ МЕНТАЛЬНОСТИ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО УДМУРТСКОГО ОБЩЕСТВА

ПЕТРОВ Алексей Николаевич

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
БУ УР «Научно-исследовательский институт национального образования»
г. Ижевск, Удмуртская Республика, Россия

В статье анализируются особенности восприятия детей в дореволюционном удмуртском обществе. Описания быта удмуртской семьи и общины, фольклорные источники показывают, что главной ценностью для удмуртской семьи было рождение и воспитание здоровых детей. Значимость их в удмуртском обществе возрастала с обретением ими хозяйственно-производственных навыков, умения «жить в согласии». В связи с этим происходило становление статуса человека в общине. В условиях относительной замкнутости удмуртской общины формирование социально-адаптированной личности зависело от родителей ребенка, что приводило к крайней психологической зависимости ребенка от родителей.

Ключевые слова: менталитет, удмуртский народ, ценностные ориентации, воспитание, «растущие дети», семья, община.

Освоению детей и их воспитанию в традиционной дореволюционной удмуртской семье писали многие исследователи удмуртского быта XIX – начала XX вв. Богатый материал по данной тематике можно найти в работах Г.Е. Верещагина [3; 4; 5], М. Буха [2], Б. Гаврилова [6], К. Герда [7], Б. Мункачи [15] и других. Проблемам воспитания в традиционной удмуртской семье посвящены работы исследователей конца XX – начала XXI в. Г.А. Никитиной [11], Л.С. Христолюбовой [13].

Удмурты, как и многие другие народы, относились к детям как к величайшей ценности, и одну из целей функционирования семьи видели в рождении и воспитании детей. Стремление иметь здоровых и трудоспособных детей проходит через всю сознательную жизнь удмуртов и отображается в обрядовой жизни и народном фольклоре.

Отношение к детям особенно широко отражено в поговорках, пословицах и песнях удмуртского народа. Особенно ярко значимость ребенка отражена в следующей песне:

Зарниен но азвесен
Мар-о бен карод
Со интые мед луоз
Вордем нылпиед
Золотом-серебром
Что будешь делать
Вместо этого пусть будет
Рожденный тобой ребенок
(Пер. авт.) [14, с. 64].

Поговорки и пословицы удмуртов говорят о том, что только с появлением ребенка дом по-настоящему становится веселым и добрым: «Нылпитэк кышнокартъес сиротаос»; «Корка нылпиен шулдыр» («Бездетные супруги – сироты»; «Дом детьми весел»).

В своих молитвах к божествам удмурты выражают насущные потребности. Наряду с желанием иметь много хлеба и скота, четко прослеживается и необходимость вырастить детей: «Азбарад сетэм нылылды-пиедлы зоро поськыед сямен зибыль-забыль карыса улыны-вылыны зеч шулдэ-бурдэ сет! Тупала сизыым сетэмзэ ныло-пие кар, тапала укмыс басьтэмзэ ке-

но-мене кар! Вазь адскем кузэн-палэн ачид уть, вазь вордскем нылын-пиен ачид уть!» («Чтоб мой двор был полон проворными детьми, чтобы они сновали-летали как ласточки перед дождем. Чтоб по ту сторону реки я отдал семерых дочерей, а на эту сторону реки ко мне пришли девять снох! Чтоб жить мне всю жизнь с той женой, которую первую увидел, чтоб жить до конца с детьми перворожденными... ниспосланными мне дочерьми-сыновьями, словно птенцам ласточки, щебеча, словно муравьям, хлопоча, жить-поживать да удасться!») [15, с. 152-153].

Удмурты относились к детям как к главному сокровищу. Г.Е. Верещагин писал, что удмурты счастье полагают только в детях, особенно в сыновьях, поэтому у кого есть дети, тот считает вправе назвать себя счастливым, довольным судьбой [3, с. 7]. Если хотели обидеть или навредить женщине, то проклятие насылали не на ее саму, а на ребенка, еще даже не родившегося: «Нуны интые арлан мед вордод»; «Нуныед пушкад мед бурмоз» («Пусть родишь вместо ребенка крысу»; «Пусть ребенок прирастет к твоим внутренностям») [11, с. 16].

Супруги, не имеющие детей высмеивались в удмуртском обществе, их статус был заметно ниже других семей. К. Герд пишет, что «... во время празднества, посвященного рождению ребенка в чьем-либо доме, присутствующих бездетных супругов-односельчан укладывали рядом на пол лицом вниз и со смехом и шутками (иногда не безобидными) стегали метлой, приговаривая, «муртлэн пиян дортиз гинэ эн ветлэ, асьтэос но кузьмо кариське, милемыз юыны эте» («не ходите только по чужим праздникам родин, и сами будьте старательными, чтобы потом пригласить нас на пир») [7, с. 75].

Рождению и воспитанию здорового ребенка подчинен выбор супруга. Жениха старались выбирать хозяйственного и трудолюбивого, чтобы мог воспитать достойного труженика, передать свои навыки своему ребенку. Невеста же, кроме

перечисленных требований, должна быть способна к рождению детей. Так исследователь XIX в. отмечает: «Между вотяками не бывает браков по увлечению и страсти, а только по экономическим расчетам и соображениям. Вотяк берет в жены, прежде всего, работницу и притом такую, которая была бы способна к рождению детей» [9, с. 25].

Иметь детей в удмуртской семье было престижно, поэтому рожали много. По наблюдениям авторов, даже ребенка, рожденного от сожительства, бездетные супруги принимали с радостью. Отец семейства по этому поводу устраивал праздник, собирал гостей [4, с. 21].

Большую роль у удмуртов играли обряды и действия будущих родителей и родственников, направленные на рождение здорового ребенка. Беременную женщину стремились защитить через магические предписания: ей нельзя было убивать животных, проливать кровь, смотреть на людей с физическими недостатками. Боялись сглаза, порчи, как будущей матери, так и ее плода, поэтому беременные женщины носили различные обереги: ладанки, крестики, железные предметы [11, с. 15]. Старались как можно дольше сохранять в тайне беременность, остерегались заблаговременно готовиться к появлению ребенка, чтобы обмануть злых духов. В то же время будущая мать, чтобы не навести на себя и на свой плод зло, должна была поддерживать добрые отношения со всеми, быть ласковой, обходительной.

По взглядам удмуртов новорожденный ребенок оказывается наиболее уязвимым. Он еще не полностью включен в религиозно-обрядовую жизнь семьи и общины, поэтому не обрел защищенности перед злыми духами. В связи с этим зыбку новорожденного помещали в дальний угол и занавешивали, чтобы вошедший не сразу мог увидеть ребенка. Только что вошедший с улицы человек имел способность сглаза, поэтому его допускали к ребенку лишь через некоторое время пребывания в доме, т. к. дом нивелировал действия злых духов.

Удмурты часто олицетворяли болезни людей со злыми духами, которые входят в тело человека [10, с. 265]. От них избавлялись через нашептывания, заклинания, пытаясь умиловить, задобрить или спугнуть дух болезни. Этим занимались «пелляськиси» (от удмуртского «пелляны», букв.: дуть, нашептывать). Достаточно большое распространение среди удмуртов имел обряд «второго крещения». Во время проведения этого обряда у часто хворающего ребенка берут всю его одежду и вместе с мусором выбрасывают из дому, а ребенку дают новое имя. Таким образом стараются обмануть дух болезни. Этот обряд, называемый «жаге куштон» описан Н.Г. Первухиным: «совершенно ослабленного от болезней ребенка раздевают догола, кладут на сложенную перед избой кучу мусора. Когда эта операция проделана, на улице появляется заранее подготовленный однопороденец, берет ребенка на руки, произносит над ним разные благожелания и входит с ним в избу родителей, поздравляя их с новорожденным, которого тут же называют новым именем» [12, с. 36].

По мнению К. Герда, удмурты видят причину беременности и рождения ребенка, в том числе, во вмешательстве сверхъестественных сил, иногда добрых, а иногда и злых. Эти же силы могут наказать семью, наслать на него болезни [7, с. 190-192]. Поэтому с помощью обрядов, описанных выше, удмурты стремились обмануть духов, насылающих болезни.

Наличие детей у удмуртов считается показателем благополучия семьи. По представлениям народа, женщине заранее предопределено воршудом, сколько она будет иметь детей [7, с. 191-192]. Если дети родятся и не умирают, то такая семья считается состоявшейся, счастливой. Во многом такое отношение к ребенку связано еще и с тем, что он в будущем – продолжатель рода, его хозяйственных и духовных традиций. Многие исследователи отмечают, что удмурты к детям относятся с большой любовью и нежностью, называют их: «гыдыке», «зарние», «мусое»

(голубок, золотце, милый) [5, с. 49-50]; [7, с. 242-243]. В тоже время некоторыми исследователями отмечается, что детям со стороны взрослых уделяется мало внимания [2, с. 85]. Это обстоятельство связано с особенностями организации хозяйственной жизни семьи, воспитания ребенка у удмуртов. Содержание жизнедеятельности удмуртской семьи было по многим параметрам аскетичным, так как в основном она направлялась на повседневный труд. В системе этих отношений ребенок практически лишен свободы индивидуального развития внутри семьи, так как с детства был втянут в ее хозяйственную жизнь, зависим от нравственных предписаний.

Качества, которые требовали от ребенка – это трудолюбие и сноровка, под ней понималась искусность в обращении с орудиями труда. Ребенку высказывали пожелание: «Буд бадзым, эн лу азьтэм» (Расти большой, не будь лодырем). Слово «азьтэм» еще переводится и как человек, не имеющий будущего, и противопоставляется слову «ужась» – работающий. Таким образом, человек, не умеющий работать, оказывается лишенным будущего.

Обобщающая характеристика качеств, которую хотели видеть удмурты в своем ребенке, отражена в «куриськоне» (молебнии), приведенном П.М. Богаевским в работе «Очерк быта вотяков Сарапульского уезда»: «Детей наших храни и не покидай. С хорошими людьми пусть они едят и пьют, благослови их на то сам. С той стороны реки на эту сторону, да и с этой стороны на ту сторону, да не переходят о них худые вести. Да будут славны они во всех странах, и славу их знают все люди. От колдунов, от злых врагов, от бесславия отстрани их, боже. От страшных цепей, болезней и уродств да будут они свободны. Едучи на базар, кошель их пусть звенит и бренчит, едучи с базара, да будут их кошельки полным-полны. Подать и сборы в свое время да находят. Злой человек, злой враг да кругом обойдет их, славные добрые люди да любят их и введут в свой дом. Злоязычности, лишнесловности сам

избавь их, боже. И да будут они во славу перед славными, да будут известны народу и всем славным на земле...» [1, с. 30].

Анализируя данный отрывок, можно выделить несколько структурных единиц по их значимости для воспитания ребенка в удмуртском обществе. На первом месте стоит важность общения с хорошими людьми. На втором – слава и авторитет самого человека. На третьем месте оказывается необходимость защиты от колдунов, злых врагов, болезней, уродства. Затем снова идет связка: «хорошие люди – собственная слава».

Это прошение во многом отражает ценностные ориентации воспитания ребенка в удмуртском обществе. Значительная часть прошения направлена на формирование добрых, основанных на согласии и миролюбии, взаимоотношений с людьми. Выделение таких качеств, как «хороший», «добрый» человек исключает конфликтность отношений, показывает важность налаживания гармоничных отношений с окружающими людьми.

Благополучие человека удмурты связывали с его способностью жить в согласии с окружающими людьми, а это во многом зависело от востребованности человека обществом, от его значимости для общества. Семья должна была с раннего детства формировать в человеке определенные качества: способность жить в согласии и мире, трудовые навыки, умение каждодневно много работать.

Высокая трудовая насыщенность жизни удмуртской семьи оказывала влияние на то, что воспитание детей основывалось на труде. Ребенок практически с раннего детства приобщался через труд к хозяйственным интересам семьи, ее нравственным ценностям. При этом овладение навыками труда происходило соответственно возрасту.

Уже с 7 лет ребенок приобщается к работе. Выполнение многих трудовых операций подростком 7-8 лет воспринималось крестьянским миром как само собой разумеющееся. Возраст с 7-8 до 13-15 лет

назывался «будись пинал» («растущий ребенок») и означал время привития ребенку трудовых и социальных навыков. В 12-13 лет дети выполняют все работы почти наравне со взрослыми. Г.Е. Верещагин писал, что «находясь при работах и занятиях родителей с малолетства, дети их скоро и легко привыкают к работе; сын находится постоянно при отце, а дочь при матери. С семи лет сыновья уже боронят, ездят за дровами, за сеном и т. п., а с десяти – владеют сохой, и с этого времени вотский мальчик уже заменяет большого работника во всех полевых работах. Девочки тоже с семилетнего возраста много помогают матерям в трудах их» [3, с. 5].

«Растущие дети» включаются в общественно-производственную, религиозно-обрядовую и праздничную жизнь общины, усваивают социальный опыт, взгляды, нормы поведения общности. В то же время этот период, когда происходит оценка способностей, умений, навыков, духовных качеств ребенка, на основе которых определяется его статус в данной общине.

В результате трудового воспитания детей каждый из них нарабатывает ту или иную степень мастерства. Чем больше оно было развито, тем более повышалась ценность человека в семье и общине. Наоборот, для неумелых и непутевых в удмуртском лексиконе существовали насмешливые прозвища: «аспортэм» (бестолковый), «чутырмем ки» (руки-крюки), «китэм-пыдтэм адями» (безрукий, безногий человек), «мырк» (тупой). Значимость таких людей была низкой, вследствие этого они не могли найти себе хорошего супруга(у), а следовательно, успешно устроиться в жизни.

Дети, умеющие работать с умом и сноровкой, завоевывали необходимый авторитет в обществе. Проявлением борьбы за авторитет между детьми были стычки, подтрунивания, порой, небеззлобные друг над другом по поводу тех или иных индивидуальных качеств. Ребенок, взявший верх в них, повышал свой авторитет среди сверстников.

Однако статус ребенка в обществе в большей степени был зависим от родителей. Ребенок, с семи лет начиная помогать родителям, обретает необходимые трудовые навыки через совместный труд. Причем успешность или неуспешность своих действий он познает через родительскую похвалу за успехи в труде или порицания по поводу лености или отсутствия сноровки. Похвала и ласка за труд становились основой воспитания в удмуртском обществе. Эти обстоятельства ставили ребенка в отношения абсолютной зависимости от родителей, дети оказывались чрезвычайно чувствительны к родительскому слову. Ласковое или грозное слово родителей служило главным инструментом воспитания детей.

В этих условиях ребенок – существо еще слабое – особо ценил родительскую ласку и похвалу и был чувствителен к суровому слову. Это все приводило к особой привязанности детей к родителям. Данное явление особенно ярко прослеживается в удмуртском фольклоре, в частности в песенном творчестве. Стремление к родительской ласке четко прослеживается в следующей песне:

Горько у нас на душе отчего?
Мы без родительской ласки растем.
Если родители есть у детей,
Дети похвальные слышат слова.
Если родителей нет – словно тень,
Только недобрая ходит молва [8, с. 50-51].

Содержание многих песен показывает, что дети связывали свою счастливую жизнь, прежде всего, с родительским домом, с отцом и матерью:

Солнце поднимается к теплу,
Луна поднимается к свету.
Мы живем вольно только до тех пор,
Пока отец и мать наши живы [6, с. 79].

В песнях отражается и особая привязанность детей к дому, родителям:

Должно быть, мать моя затопила печку,
Потому что из трубы выходит дым!
Сойдя с крыльца, должно быть,
ждет и смотри, говоря,
Что мой, де сыночек возвращается [6, с. 75].

Родители же хотят видеть в своих детях основу семьи, ее будущее, исправных работников, что прослеживается в известной колыбельной песне удмуртов «Чагыр, чагыр дыдыке...»:

Спи, спи. Глазки закрой,
Мой клубочек золотой.
Вырастешь и с топором,
Напевая в лес пойдешь.
Срубишь ель большую в нем,
Дров нарубишь, привезешь [8, с. 15].

Подводя итоги, отметим, что у удмуртов ценилась общественная значимость человека, что связано с обособленностью жизни общины. Данное отношение распространялось и на ребенка. Чем старше ребенок и чем более он приобретал качества, необходимые для семейной и общинной жизни, тем выше становился его статус. С раннего детства семья должна была сформировать в человеке определенные качества, а это, прежде всего, способность жить в согласии и мире, любовь к труду, умение каждодневно много работать. В этих условиях ребенок оказывался чрезвычайно зависим от родителей, так как основные навыки и умения он приобретал от них через трудовое воспитание. От оценки деятельности ребенка родителями формировался его авторитет в семье, кроме того, предопределялся статус человека в общине.

В данной структуре отношений дети оказывались стороной, воспринимающей все культурные и психологические навыки жизнедеятельности, при этом они их получали от родителей. Поэтому необходимо отметить особую привязанность детей к родителям, чувствительность их к родительскому слову – похвале или порицанию, что, возможно, с детства формировало у человека склонность к постоянной самооценке, повышенную мнительность и ранимость. Эти характеристики ментальности существуют во взаимодействии с ценностными установками удмуртского общества, основанными на миролюбии и согласии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Богаевский П.М.* Очерк быта сарапульских вотяков // Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее. – М., 1888. – Вып. 3.
2. *Бух М.* Вотяки. Гельсинфорс. – 1882. – 185 с.
3. *Верещагин Г.Е.* Вотяки Сосновского края // Записки РГО. – СПб., 1886. – Т. XIV. – Вып. 2. – 218 с.
4. *Верещагин Г.Е.* Вотяки Сосновского края // Собр. Соч.: В 6 т. Т. 1. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1995. – 260 с.
5. *Верещагин Г.Е.* Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии // Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1996. – 204 с.
6. *Гаврилов Б.* Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губерний. – Казань, 1880. – 194 с.
7. *Герд К.* Человек и его рождение (У восточных финнов) // О ней я песнь пою... / сост. Ф.К. Ермаков. – Ижевск: Удмуртия, 1997. – С. 188-273.
8. *Гыдыке: Зарни крезь =Золотые гусли / сост. Т. Перевозчикова. – Ижевск: Удмуртия, 1991. – 208 с.*
9. *Кошурников В.С.* Быт вотяков Сарапульского уезда Вятской губернии. – Казань, 1880. – 44 с.
10. *Луппов П.Н.* Христианство у вотяков в первой половине XIX века // Труды ВУ-АК. – Вятка, 1911. – С. 416-424.
11. *Никитина Г.А.* Народная педагогика удмуртов. – Ижевск: Удмуртия, 1997. – 136 с.
12. *Первухин Н.Г.* Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда Вятка, 1888-1890. Эскизы I-V.
13. *Христолюбова Л.С.* Традиции трудового воспитания детей в удмуртской семье в XIX – начале XX в. // Семейный и общественный быт удмуртов в XVIII – XX вв. – Устинов, 1985. – С. 80-90.
14. *Ялыке! = Приходите, гости дорогие! : песни, сказки, пословицы / сост. Т.Г. Перевозчикова. – Ижевск: Удмуртия, 1984. – 171 с.*
15. *Munkacsi B.* Votjak nepkolteszeti hagyományok. – Budapest, 1887. – 335 p.

CHILDREN AND THEIR EDUCATION IN THE MENTALITY SYSTEM DOREVOLUTIONARY UDMURT SOCIETY

PETROV Alexey Nikolaevich

Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher

Research Institute of National Education

Izhevsk, the Udmurt Republic, Russia

The article analyzes the features of the perception of children in pre-revolutionary Udmurt society. The descriptions of the life of the Udmurt family and the community, folklore sources show that the main value for the Udmurt family was the birth and upbringing of healthy children. Their importance in Udmurt society increased with the acquisition of their economic and production skills, the ability to «live in harmony». In this connection, the formation of the status of a person in the community took place. In conditions of relative isolation of the Udmurt community, the formation of a socially adapted personality depended on the parents of the child, which led to an extreme psychological dependence of the child on the parents.

Keywords: mentality, Udmurt people, value orientations, upbringing, «growing children», family, community.
